

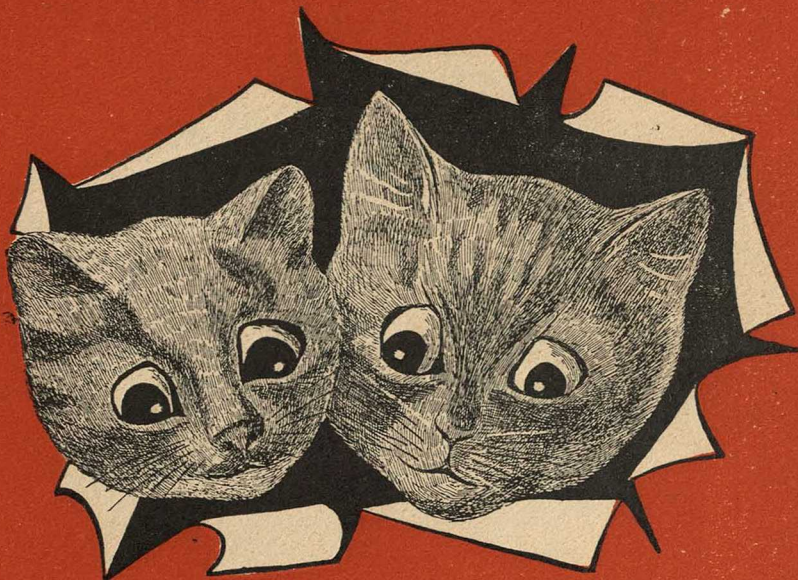
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія пятый.

НОЯБРЬ.

№ 2.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

ОДНИ (исторія брата и сестры).

НАЧАЛО ЗИМЫ.

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ (повѣсть).

УТРОМЪ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

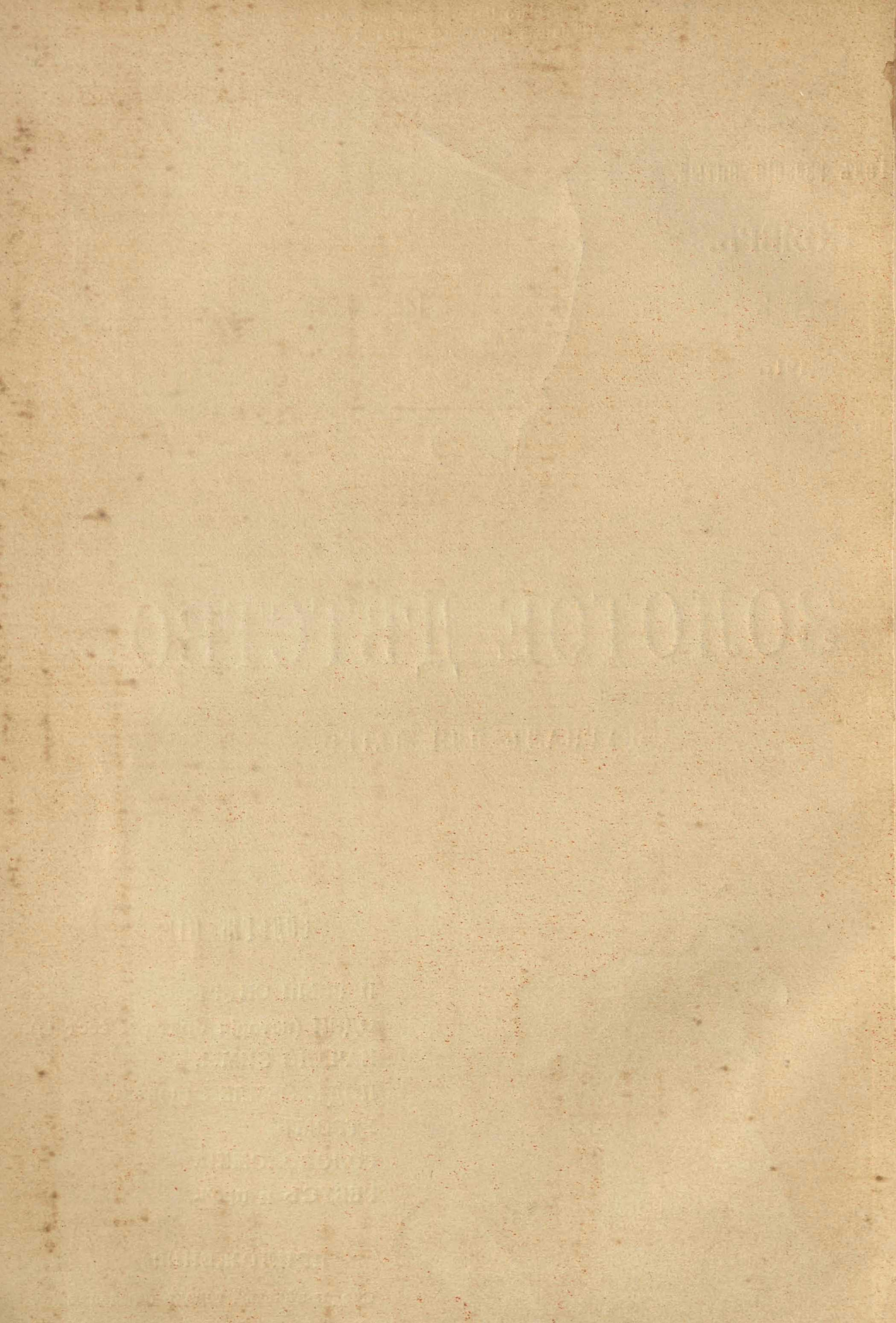
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Средне-вѣсковый городъ (продолженіе).

«Въ уютномъ уголкѣ»—листъ 1-й.

№ 2. Ноябрь, 1911.

Годъ изданія V-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Задумалась.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Природа сбросила красу,
 Стоять въ слезахъ нагія вѣтки,
 Замолкли птички и ужъ дѣтки
 Не бродятъ съ пѣснями въ лѣсу.

Не гонить стадъ въ поля пастухъ
 И не играетъ на свирѣли,
 Ужъ голо все и въ вѣткахъ ели
 Ужъ не стоитъ смолистый духъ.

Какая скучная пора!
 То дождь, то снѣгъ валить, какъ
 клочья,

И въ шесть или семь часовъ утра
 Такая тьма, какъ будто ночью...

Но вдругъ морозъ! И полетѣли
 Снѣжинки мелкія, какъ пухъ...
 На грядкахъ — нѣжныя постели
 Какъ скатерть бѣлая — весь дугъ.

И всюду мягко такъ, все чисто,
 Такъ аккуратно все, пушисто,
 Такъ стало въ комнатахъ свѣтло
 И у камина такъ тепло!

И взявъ вязальныя иголки,
 Садится няня за чулокъ...
 Какая радость! Скоро елка!
 Ужъ прочный падаетъ снѣжокъ!

Кузничекъ.

О Д Н И.

(Исторія брата и сестры).

Петя былъ приемышъ и росъ у своей воспитательницы Софьи Ивановны совершенно одинъ. Ближайшая деревня находилась въ пяти верстахъ и, какъ нарочно, во всей усадьбѣ не было ни одного мальчика или дѣвочки, а жили все одни только старики. Онъ скучалъ, цѣлыми днями бродилъ одинъ по полямъ и лѣсамъ и иногда случалось такъ, что за цѣлый день ему не приходилось сказать даже и двадцати словъ. Софья Ивановна замѣчала это, ей было жаль его, она сознавала, что ему нужно

было уже начинать учиться, ходить въ школу, но школа была далеко, и она уже подумывала о томъ, не продать-ли ей свою крошечную усадьбу и не переселиться ли туда, гдѣ Петя могъ-бы учиться и жить не одинъ.

— Развѣ переѣхать мнѣ къ моему племяннику Андрею въ Петербургъ? думала она.— Или можетъ быть, лучше было-бы остаться здѣсь и только переселиться въ Воздвиженское къ другому племяннику Ильѣ?

И чѣмъ долѣе думала объ этомъ

старушка, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждалась, что у нея не хватитъ силъ разстаться со своимъ насиженнымъ гнѣздомъ и уѣхать умирать въ другое мѣсто.

Въ верстѣ отъ усадьбы, на горкѣ, стояла одинокая церковь, которую всѣ называли Никольскій погостъ. Она была такъ стара и ветха, что въ ней служили только разъ въ годъ, 9 мая, на Николинъ день. Все-же остальное время года она стояла заброшенной и пустой.

И вдругъ случилось событіе: пріѣхали въ экипажахъ какіе-то важные господа. Они долго осматривали эту церковь, снимали съ нея планы, срисовывали ее и затѣмъ уѣхали обратно. Петя тоже бѣгалъ на погостъ и съ удивленіемъ на нихъ смотрѣлъ.

— Ты знаешь, мальчуганъ, обратился къ нему одинъ изъ гостей,— сколько этой церкви лѣтъ?

— Нѣтъ... простодушно отвѣтилъ Петя.

— Ей уже больше пятисотъ лѣтъ... Она уже обвалилась, но это ничего не значитъ: скоро ее починятъ и она будетъ какъ новая.

И дѣйствительно, скоро пришли каменщики, штукатуры и маляры и мѣсяца черезъ три ветхая церковь стала неузнаваемой. Бѣленькая съ зеленой крышей и съ ярко-блестѣвшими крестами, она теперь была видна издалека и, когда свѣтило на нее солнце, то было больно на нее глядѣть.

А затѣмъ пріѣхалъ художникъ и сталъ расписывать въ ней стѣны и потолоки. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а привезъ съ собою дочь, дѣвочку лѣтъ девяти, и собаку Мильтона. Они поселились въ деревнѣ за пять верстъ отъ церкви и каждый день художникъ пріѣзжалъ сюда съ дѣвочкой или приходилъ съ ней пѣшкомъ и принимался за работу. Пока онъ рисовалъ, дѣвочка играла вокругъ церкви одна, или же бѣгала съ Мильтономъ. А затѣмъ, вечеромъ всѣ трое они возвращались домой. Какъ и Петя, дѣвочка росла одна безъ родныхъ и сверстницъ, и всюду ѣздила за своимъ отцомъ. Единственнымъ ея другомъ былъ Мильтонъ, съ которымъ она и проводила все время, пока ея отецъ былъ занятъ работой.

Однажды Петя пріѣзжалъ къ церкви и увидалъ эту дѣвочку около колокольни. Она играла съ Мильтономъ и не замѣтила его. Мильтонъ залаялъ. Она придержала собаку и сказала:

— Не бойся, онъ не укуситъ!

Петя подошелъ къ ней поближе.

— Тебя какъ зовутъ? спросилъ онъ ее.

— Сусанна... отвѣтила она.

— Ты откуда?

— Мой папа художникъ, а я его дочь. Мы оба изъ Петербурга, но не бывали тамъ уже давно. Все время папа рисуетъ и мы перѣзжаемъ съ мѣста на мѣсто и своего дома у насъ нѣтъ.

— Давай вмѣстѣ играть!

— Давай!

И они стали вмѣстѣ играть. Вечеромъ онъ возвратился домой въ восторгѣ и долго разсказывалъ бабушкѣ о своихъ новыхъ знакомыхъ. А затѣмъ онъ сталъ ходить на Никольскій погостъ каждый день и возвращался оттуда только къ обѣду или къ ужину. Софья Ивановна была довольна, что онъ былъ теперь не одинъ, и не запрещала ему туда ходить.

„Пусть ихъ играютъ!“ думала она.— „Успѣетъ еще за зиму насидѣться дома одинъ!“

Однажды Петя привелъ Сусанну къ себѣ. Художнику захотѣлось ѣсть и онъ попросилъ дѣтей сбѣгать въ усадьбу и принести оттуда крынку молока. Когда онъ ввелъ ее къ себѣ въ домикъ, радостный и торжествующій, то его бабушка сидѣла у окошка и штопала чулокъ. Увидѣвъ Сусанну, она всплеснула руками и такъ и ахнула отъ удивленія.

— Да какая-же ты хорошенькая! воскликнула она. — Да какъ-же ты похожа на ангелочка! И уродить-же Господь такое дитѣ!

И она стала прижимать ее къ своей старческой груди и цѣловать. Не ожидавшая такого ласковаго приѣма, дѣвочка обняла ее за шею и кончилось дѣло тѣмъ, что старушка растрогалась и стала утирать слезы кончикомъ своего платка.

Затѣмъ началось угощеніе: Сусанну усадили за столъ, налили ей горячихъ щей, которыя она съ аппетитомъ съѣла вмѣстѣ съ Петей, дали ей молока, а потомъ Софья Ивановна отрѣзала огромный ломоть хлѣба, намазала его вареньемъ и предложила его Сусаннѣ.

— Кушай, моя цыпочка! сказала она.— Ъшь на здоровье! Кто-то тебя накормить-напоить безъ матери сироту?

И пока Сусанна ѣла, Софья Ивановна все причитала надъ ней и ласково гладила ее по головѣ.

Наѣвшись, дѣти захватили съ собою хлѣба и кувшинъ молока и убѣжали обратно на Никольскій погостъ.

На слѣдующій день было холодно и шелъ дождь. Петю не пустили на погостъ и онъ молча сидѣлъ одинъ у окна и скучалъ. Онъ уже привыкъ къ Сусаннѣ и теперь чувствовалъ себя безъ нея такъ, точно безъ сестры. Неужели-же дождь будетъ идти цѣлый день? А что если онъ затянется еще на цѣлую недѣлю и художникъ такъ и уѣдетъ, не давъ ему повидаться съ ней еще разъ? И онъ заплакалъ отъ досады и положилъ голову на локти.

— Боженька, дай чтобы не было дождя! шепталъ онъ.— Дай, чтобы завтра былъ ясный день!

И вдругъ слышались знакомые голоса. Онъ поднялъ голову

и увидалъ художника и его дочь. Они шли прямо къ нимъ.

— Бабушка! Бабушка! закричалъ онъ. — Они идутъ къ намъ! Это они! Смотри скорѣ сюда!

И пока бабушка собиралась встать съ кресла и подойти къ окну, онъ уже выбѣжалъ на дворъ и встрѣтилъ своихъ друзей.

Отряхивая съ себя капли дождя, художникъ и Сусанна вошли въ сѣни и долго вытирали ноги о рогожку. Затѣмъ они вошли въ комнаты. Мильтонъ вбѣжалъ вслѣдъ за ними и тотчасъ-же забился подъ диванъ.

— Ну, здравствуйте! сказалъ художникъ. — Позвольте познакомиться! Я пришелъ поблагодарить васъ за вашу ласку и за то, что вы прислали мнѣ вчера молока!

У Софьи Ивановны давно уже не было гостей, она обрадовалась имъ, засуетилась около самовара и скоро въ ея маленькихъ, низенькихъ комнаткахъ опять пахнуло стариной и она, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще живъ былъ ея мужъ, опять сидѣла у стола и съ наслажденіемъ наливала гостямъ чай.

— Кушайте! говорила она. — Сдѣлайте такое одолженіе! Сусанночка, милая, что ты такъ мало пила?

И пока дождь все шелъ да шелъ, художникъ и его дочь сидѣли у Софьи Ивановны и, согрѣтые ея лаской, такъ и не замѣтили, какъ насталь уже вечеръ.

— А вѣдь намъ пора! спохватился наконецъ художникъ.—Уже восемь часовъ!

Разыгравшаяся съ Петей и съ Мильтономъ, Сусанна не хотѣла уходить.

— Да вы оставьте ее у насъ ночевать! обратилась къ нему Софья Ивановна. — Что ей такъ далеко идти по грязи и по дождю!

Художникъ ничего не имѣлъ противъ, простился и оставивъ Сусанну у Софьи Ивановны ночевать, ушелъ.

Старушкѣ показалось, что жизнь повернулась для нея назадъ, что она помолодѣла сразу на десятки лѣтъ и что въ лицѣ Сусанны Господь послалъ ей новую дочь, съ которой ей не хотѣлось-бы разставаться никогда. И, боясь отогнать отъ себя свои счастливыя мечты, она уложила дѣвочку и Петю въ мягкія постельки, укрыла ихъ одѣялами по самую шею и, сѣвши около нихъ, еще долго смотрѣла то на нее, то на него и ввязала свой безконечный чулокъ.

А дождь все шелъ и шелъ и его слезы струились по стекламъ оконъ. Дулъ вѣтеръ и злобно шуршалъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Наступало то время, когда осень начинаетъ уже оспаривать у лѣта свои права, гонить по небу тучи и выливаетъ на землю цѣлыя массы мелкаго, холоднаго дождя.

На слѣдующій день опять было сыро и вѣтрено и Сусанна на цѣ-

лѣй день осталась у Софьи Ивановны. Все время мальчикъ и дѣвочка весело играли вмѣстѣ и, глядя на нихъ, Софья Ивановна чувствовала, какъ оттаивало ея сердце и какъ ея жизнь наполнялась чѣмъ-то святымъ, чѣмъ-то такимъ, что вносятъ съ собою всюду дѣти — это животворящее начало въ каждой семьѣ.

— Пускай ихъ!.. шептала она. — Пусть ихъ играютъ вмѣстѣ! Господь ихъ благословить!

Вечеромъ забѣжалъ весь мокрый художникъ и попросилъ Софью Ивановну, чтобы она позволила его Сусаннѣ переночевать у нея еще одну ночь. Старушка обрадовалась, сказала, что она не отпустить ее отъ себя хоть цѣлую недѣлю, и тогда художникъ объявилъ ей, что получилъ только-что телеграмму, которой его вызываютъ немедленно въ Петербургъ, и онъ долженъ ѣхать туда и оставить свою дочь у кого-нибудь на попеченіи. Старушка торжествовала. Теперь-то она позаботится о Сусаннѣ! Теперь-то у нея въ усадьбѣ закипитъ ключемъ жизнь!

— Ужъ вы подержите ее у себя до моего возвращенія, говорилъ художникъ, которому было все-таки неловко съ первыхъ-же дней знакомства навязывать старушкѣ свою дочь. — Но сами изволите посудить: до станціи желѣзной дороги отсюда тридцать верстъ, дорога возмутительная, грязь по ко-

лѣно, — куда еще брать съ собой ребенка? Добро-бы, была еще жива у нея мать, а то приѣдемъ въ Петербургъ, — и тамъ она будетъ сидѣть въ номерѣ одна. Ужъ сдѣлайте милость, поберегите ее до моего возвращенія!

Петя чуть не прыгаль отъ радости. Художникъ подозвалъ его къ себѣ, усадилъ его къ себѣ на колѣно и сталъ съ нимъ разговаривать, какъ со взрослымъ.

— Ты будешь ее оберегать? обратился онъ къ нему. — Ты будешь относиться къ ней, какъ къ младшей сестрѣ? Она вѣдь растаетъ со мной только въ первый разъ за всю свою жизнь!..

Гордый тѣмъ, что ему поручали Сусанну, Петя торжественно произнесъ:

— Я буду ее охранять, какъ сестру.

Затѣмъ художникъ простился со всѣми и сталъ собираться въ путь. Передъ самымъ уходомъ онъ отозвалъ Софью Ивановну къ сторонѣ, сунулъ ей въ руку нѣсколько рублей, а потомъ поднялъ дѣвочку на руки, долго глядѣлъ ей въ лицо, точно хотѣлъ запомнить его черты, а потомъ сталъ цѣловать ее въ губы, въ щеки, въ лобъ и въ глаза. Она плакала, обнимала его, просила его не уѣзжать, но оставаться было нельзя. Спустивъ дѣвочку на полъ, онъ взялъ ея руку, вложилъ ее въ руку Пети, поцѣловалъ ихъ обоихъ въ послѣдній

разъ и ушелъ. Она долго стояла у окна и глядѣла ему вслѣдъ. Но было уже темно, дулъ вѣтеръ и шелъ дождь и она не увидала ничего. Софья Ивановна внесла въ комнату лампу и всѣ усѣлись за столъ. И, какъ это часто бываетъ въ серьезные моменты жизни, долго молчали. Но потомъ мало-помалу разговорились, стали смѣяться и когда прошелъ острый приступъ горя, стали даже играть. Поздно вечеромъ, когда Сусанна уже спала, Софья Ивановна подошла къ ея постелькѣ, склонилась надъ ней, осторожно обняла ее и приникла къ ея щекѣ своей щекой.

— Голубушка моя! шептала она. — Сироточка моя! Осталась одна на чужой сторонѣ!

Утромъ изъ деревни привезли багажъ Сусанны, въ которомъ были ея одежда и игрушки. вмѣстѣ съ багажемъ привели и Мильтона. Онъ тоже переходилъ на жительство къ Софьѣ Ивановнѣ. Сусанна развернула свои вещи, разставила игрушки и для нея началась новая жизнь.

Протекъ мѣсяцъ, прошелъ другой, а художникъ все еще не возвращался изъ Петербурга. Церковь въ Никольскомъ погостѣ заперли, тѣмъ болѣе, что стояла уже глубокая осень и продолжать въ ней работы было уже нельзя. Старушка беспокоилась, но не знала, куда написать, а Сусанна стала часто задумываться и часто зада-

вала вопросы: — Гдѣ папа? Чего онъ такъ долго не ѣдетъ? Не случилось-ли съ нимъ чего-нибудь дурного?

Старушка болѣла за нее душой, но и сама не могла ничего подѣлать. Цѣлые дни она была занята. Пока дѣти бѣгали и играли, она съ утра и до вечера проводила то въ погребѣ, гдѣ солила капусту и убирала на зиму овощи и картошку, то на овинѣ, гдѣ у нея шла молотьба. Она возвращалась домой продрогшая и промокшая и утомленная настолько, что едва добиралась до своего кресла. Затѣмъ она начинала долго кашлять.

— Нѣтъ, дѣтки! говорила она. — Ужъ не работница я вамъ стала! Силушки моей ужъ больше нѣтъ!

Однажды вечеромъ она возвратилась съ овина домой и такъ и повалилась къ себѣ на кровать.

— Бабушка, что съ тобой? спросили ее дѣти.

— Плохо! отвѣтила она. — Должно быть, приходитъ мой конецъ!

Послали за докторомъ, который пріѣхалъ только на третій день, явился изъ села племянникъ Софьи Ивановны со своими женой и дочерью, которые объявили, что будутъ ухаживать за своей теткой, и дѣти были сразу отодвинуты на задній планъ. Больная не любила этого своего племянника, онъ никогда у нея раньше не бывалъ и теперь было ясно для всѣхъ, что онъ явился только для того, чтобы

Олени въ лѣсу.

Кружка дѣдушки.

завладѣть послѣ ея смерти всѣмъ. Затѣмъ начались тяжкіе дни болѣзни, во время которыхъ о дѣтяхъ ни разу не вспомнилъ никто. Только подъ самый конецъ, когда докторъ объявилъ, что нельзя ужъ подѣлать ничего, имъ объявили, что старушка зоветъ ихъ къ себѣ. Предчувствуя недоброе, всѣ въ слезахъ, они подошли къ ней и стали у ея изголовья. Она перекрестила ихъ обоихъ и погладила ихъ по головѣ.

— Не покидай ее... указала она Петѣ на Сусанну.—Она сирота и пусть будетъ тебѣ сестра...

Дѣти не могли отъ слезъ говорить.

Затѣмъ она вытащила изъ-подъ подушки кошелекъ и протянула его къ Сусаннѣ.

— Возьми... Это деньги твои! Ихъ оставилъ мнѣ передъ отъѣздомъ твой отецъ!..

И, порывшись подъ подушкой еще разъ, она достала оттуда что-то, зашитое въ маленькій холщевый мѣшечекъ, и повѣсила его Петѣ на шею.

— Храни эту вещь, какъ зеницу ока!—сказала она.—Не теряй ее и не отдавай ее никому. Это будетъ тебѣ воспоминаніемъ обо мнѣ!

Она обняла дѣтей въ послѣдній разъ и докторъ приказалъ увести ихъ отъ больной. Была уже ночь. Прислуга Прасковьюшка взяла ихъ къ себѣ и у себя въ каморкѣ уло-

жила ихъ спать. Они долго плакали, а затѣмъ утомились и заснули. Когда они проснулись, то Софьи Ивановны не было уже въ живыхъ.

Затѣмъ всей усадьбой завладѣлъ племянникъ Софьи Ивановны Илья, который тотчасъ же переселился въ нее со всей своей семьей и предложилъ дѣтямъ немедленно же отправляться къ своимъ роднымъ.

— Я не могу васъ держать!—сказалъ онъ.—У меня у самого большая семья! Мало-ли васъ такихъ! У всякаго человѣка есть своя семья!

Петю это больно кольнуло въ самое сердце. Онъ долго ходилъ потомъ по усадьбѣ и наконецъ, отведя въ сторону Сусанну, сказалъ:

— Уйдемъ отсюда! Все равно намъ здѣсь больше не житье!

— Куда же мы уйдемъ?—съ безпокойствомъ спросила его Сусанна.

— Въ Петербургъ... Тамъ твой отецъ...Кромѣ того, тамъ и у бабушки другой племянникъ Андрей Карпычъ и мы постараемся ихъ найти.

— На какія же деньги мы поѣдемъ?

— А на тѣ, которыя тебѣ оставилъ отецъ!

Они сосчитали деньги. Ихъ оказалось 28 рублей. Такая сумма показалась имъ громадной, и они стали собираться въ путь.

— Что жъ?—говорилъ племянникъ.—Пушай ихъ!.. Много ихъ теперь развелось этихъ бездомныхъ ребятъ!

Черезъ два дня они уже сидѣли въ саняхъ и ѣхали на станцію желѣзной дороги.

Было холодно, дѣти зябли и Сусаннѣ казалось, что кто-то крѣпко сжалъ въ клещахъ ея пальцы на ногахъ и рукахъ. Петя ежился отъ холода, не находилъ себѣ мѣста въ саняхъ и не зналъ, куда спрятать свои озябшія ноги, но скрывалъ это отъ своей названной сестры. Мильтонъ всю дорогу бѣжалъ за санями, высуня языкъ.

Поздно вечеромъ они пріѣхали на станцію. Привезшіи ихъ мужичекъ взялъ имъ билеты, усадилъ ихъ въ вагонъ, помѣстивъ Мильтона въ собачье отдѣленіе,— и они поѣхали. Всю ночь Сусанна не могла уснуть и дрожала отъ холода; вѣроятно, она простудилась, пока ѣхала въ саняхъ. Какая-то дама, тоже ѣхавшая въ Петербургъ, приняла въ ней участіе, уложила ее и укрыла пледомъ. Петя прикорнулъ у ея ногъ, но тоже не могъ во всю ночь заснуть. Его беспокоила неизвѣстность. Когда поѣздъ останавливался на станціяхъ, то слышно было, какъ въ багажномъ вагонѣ вылъ Мильтонъ.

Но вотъ ужъ и Петербургъ. Раннее утро, пасмурно и туманно. Всѣ пассажиры выходятъ изъ

вагоновъ и спѣшатъ во дворъ нанимать извозчиковъ. Оглушенные шумомъ и суетой, потерявшіяся среди чужой, незнакомой толпы, дѣти не знаютъ, что дѣлать и съ чего начать. Захвативъ свои толщія узелки, они тоже выходятъ на дворъ и теперь уже совершенно не понимаютъ, куда имъ идти.

— Сядь здѣсь и подожди меня,— обращается къ Сусаннѣ Петя.—Я пойду выручить Мильтона.

Она усаживается на свои узелки и онъ уходитъ. Начинаетъ идти дождь. Она раскрываетъ большой бабушкинъ красный зонтикъ и всѣ проходящія мимо, глядя на нее, смѣются. Но ей, бѣдняжкѣ, не до смѣха: отъ безсонной ночи у нея болитъ голова и все ея тѣло пронизываетъ острая, неприятная дрожь. Она такъ устала и озябла!

Приходитъ Петя съ обрадовавшимся свободѣ Мильтономъ. Теперь надо идти. Но куда же идти? Гдѣ живетъ этотъ неизвѣстный племянникъ Софьи Ивановны? Какъ разыскать отца Сусанны?

— Пойдемъ, сестра!—говоритъ Петя.

— Куда?—отвѣчаетъ она,— и безучастно отправляется слѣдомъ за нимъ.

Они выходятъ на Невскій проспектъ и бредутъ вдоль его, не зная куда. Имъ все здѣсь дико и непривычно и въ ихъ души начинается закрадываться страхъ.

И вдругъ ихъ окликаетъ чей-то голосъ. Они поднимаютъ головы, оглядываются и видятъ ту самую даму, которая принимала въ Су-саннѣ такое участіе въ вагонѣ. Теперь она уже ѣдетъ на извозчикѣ и масса узелковъ и картонокъ окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Ну, что?—спрашиваетъ дама.—Узнали, куда идти?

— Нѣтъ... отвѣчаетъ Петя.

— Да какъ зовутъ этого вашего дядю?

— Его зовутъ Андреемъ Карпычемъ... Онъ живетъ здѣсь въ Петербургѣ! Кромѣ него у насъ здѣсь нѣтъ родныхъ никого!

— А какъ его фамилія?

Петя поднимаетъ кверху глаза и задумывается.

— Не знаю... отвѣчаетъ онъ и конфузится.—Забылъ!

Дама дѣлаетъ удивленное лицо. Но серьезный видъ Пети, утомленные лица обоихъ дѣтей трогаютъ ее, она раздвигаетъ около себя вещи и говорить:

— Садитесь сюда оба! Давайте сюда вашъ пакетъ!

Они усаживаются рядомъ съ ней и черезъ весь Петербургъ ѣдутъ куда-то такъ далеко, что Петя теряетъ порядокъ улицъ и переулковъ.

Дама подвозитъ ихъ къ большому дому и вводитъ въ швейцарскую.

— Дома Глафира Семеновна? спрашиваетъ она у швейцара.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ. — Она уѣхала къ себѣ въ имѣніе. И прислугу взяла съ собой!

— Надолго?

— На четыре дня... Ключъ отъ квартиры она оставила у меня.

Глафира Семеновна была дама-благотворительница, собиравшая на улицахъ бездомныхъ дѣтей и помѣщавшая ихъ въ пріюты. Она была одинока, жила съ одной только прислугой и ея знакомые часто привозили къ ней дѣтей съ просьбой помѣстить ихъ у себя и затѣмъ въ пріютъ.

— Вотъ что, обратилась дама къ швейцару.—Введите вы этихъ дѣтей въ ея квартиру и пусть они поживутъ тамъ до возвращенія Глафиры Семеновны домой!

Швейцаръ подумалъ, снялъ съ крючка ключъ и молча повелъ дѣтей наверхъ. Онъ отперъ имъ квартиру и впустилъ ихъ въ нее.

— Вы-же здѣсь не шалите! сказалъ онъ имъ.—Не разбейте здѣсь чего-нибудь! Да держите собаку при себѣ, а то за нее надо будетъ платить налогъ! Когда будете уходить, то ключъ оставляйте у меня!

Они вошли и увидѣли себя въ небольшой квартиркѣ въ три комнаты съ кухней. Всюду было чисто и аккуратно. Стояла дорогая мебель. Видно было, что Глафира Семеновна жила богато и не отказывала себѣ ни въ чемъ. Дѣти прошли въ кухню и сѣли тамъ на кухаркину кровать.

— Я устала... сказала вдругъ Сусанна и, какъ была, повалилась въ одеждѣ на подушку. — Мнѣ холодно и болить голова!..

Петя снялъ съ нея шубку, уложилъ ее въ постель и укрылъ кухаркинымъ одѣяломъ.

— Подожди, я сейчасъ! — сказалъ онъ. — Ты навѣрное хочешь ѣсть... Я сейчасъ сбѣгаю и куплю тебѣ молока!

Онъ оставилъ ее одну и побѣжалъ въ лавку. Когда онъ вернулся, то она уже спала. Онъ прождалъ до вечера, но она такъ и не просыпалась, а только бредила и металась въ жару. Около нея стоялъ Милтънъ и вылъ.

Петя испугался.

— Что съ ней? — подумалъ онъ. — Неужели она простудилась? Сусанна! Сусанна, проснись, погляди на меня! Что съ тобою?

Она приподнялась и поглядѣла на него какими-то странными, воспаленными глазами. Онъ испугался и не зналъ, что дѣлать. Всю ночь онъ провелъ около нея, въ темнотѣ, не смежая глазъ и не зная, какъ и гдѣ добыть огня.

— Господи, — шепталъ онъ. — Помоги мнѣ! Не дай ей заболѣть!

Но когда настало утро и ей стало еще хуже, то для него теперь не оставалось уже больше никакого сомнѣнія, что она захворала серьезно. Она стала сильно кашлять.

И, думая, что ему всетаки удастся найти Андрея Карпыча, онъ

укрылъ Сусанну еще чѣмъ-то, повалившись ему подъ руку, поручилъ ее Милтъну и отправился на поиски.

Онъ вышелъ на улицу и долго ходилъ затѣмъ по Петербургу, отыскивая Андрея Карпыча. Мимо него ѣхали экипажи, мчались вагоны трамвая, стремились взадъ и впередъ прохожіе, а онъ все шелъ и шелъ въ этомъ громадномъ человѣческомъ муравейникѣ, для всѣхъ ненужный и чужой, и только поглядывалъ, гдѣ на углу стоитъ городской. Подойдя къ нему, онъ спрашивалъ его, не извѣстно-ли ему, гдѣ живетъ Андрей Карпычъ, фамиліи котораго онъ не знаетъ, и всякій разъ городской отвѣчалъ ему отказомъ.

— Проходи, проходи! — говорилъ онъ ему. — Нечего тутъ! Надо заниматься дѣломъ!

Усталый, съ разбитыми отъ долгой ходьбы ногами, Петя вернулся къ себѣ домой. Ему хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ по дорогѣ бутылку молока и французскій хлѣбъ, взялъ у швейцара ключъ и отправился наверхъ. Его встрѣтилъ съ радостнымъ визжаньемъ Милтънъ. Петя прошелъ въ кухню и тутъ увидѣлъ неприятную картину: вся красная отъ жара, Сусанна лежала на кровати на спинѣ и глядя огромными, испуганными глазами въ пространство, бредила какими-то несвязными странными словами.

— Сусанна! Милая! — заговорилъ онъ и слезы заструились у него по щекамъ! — Успокойся! Не нужно хворать! Вѣдь мы здѣсь одни, на чужой сторонѣ!

Но она дико посмотрѣла на него и снова упала на подушку.

Проходя по улицѣ, Петя еще раньше замѣтилъ на одной изъ дверей вывѣску „Докторъ“. Онъ вспомнилъ теперь о ней и со всѣхъ ногъ помчался туда, къ этой двери, гдѣ быть можетъ его ожидала помощь. Теперь у крыльца стояла коляска. Петя подошелъ къ кучеру и робко сказалъ ему:

— У меня заболѣла сестра... Мнѣ нужно доктора... Вы не замѣтили, дома онъ сейчасъ, или нѣтъ?

Кучеръ оглядѣлъ его съ высоты своихъ козелъ съ головы до ногъ.

— Сейчасъ докторъ выйдетъ, сказалъ онъ. — Онъ отправляется въ больницу.

Въ это время послышался шумъ, дверь отворилась и изъ нея вышелъ господинъ въ цилиндрѣ.

— Вотъ докторъ! указалъ на него кучеръ.

Петя подскочилъ къ господину, снялъ фуражку и посмотрѣлъ на него просящими глазами. Господинъ вынулъ изъ кармана двѣ копейки и подалъ ему.

— Нѣтъ, докторъ, благодарю, васъ! воскликнулъ Петя. — Я не нищій! Я пришелъ попросить васъ за мою сестру!

— Она больна? спросилъ докторъ.

— Да, у нея жаръ и она не можетъ встать...

— Отчего-же твоя мать не отвезетъ ее въ больницу?

— У меня нѣтъ матери, докторъ! Я и сестра здѣсь совершенно одни... Мы оба сироты и приѣхали сюда отыскивать своихъ родныхъ.

Докторъ внимательно посмотрѣлъ на Петю.

— А чѣмъ занимается твой отецъ? спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ отца, отвѣтилъ Петя, — но ея отецъ — художникъ!

— Значить, больная — тебѣ вовсе не сестра?

— Нѣтъ, но я далъ слово ея отцу быть ея братомъ и защищать ее до конца!

И онъ съ полнымъ чистосердечіемъ рассказалъ ему обо всемъ.

— Да ты настоящій герой! воскликнулъ докторъ. — Но какъ фамилія этого пропавшаго художника?

— Лукьяновъ, отвѣтилъ мальчикъ. — Ея отецъ — художникъ Лукьяновъ. Онъ поѣхалъ сюда въ Петербургъ и вотъ уже два мѣсяца, какъ мы ничего о немъ не знаемъ.

Докторъ вздрогнулъ, что-то сообразилъ и затѣмъ весело кивнулъ головой.

— Это хорошо! сказалъ онъ. — Это даже очень хорошо!

— Что хорошо, докторъ?

— А вотъ увидишь! А теперь веди меня къ своей больной.

Докторъ усадилъ Петю рядомъ съ собой въ экипажъ, кучеръ дернулъ за вожжи и они помчались.

Три минуты спустя, они уже входили въ квартиру Глафиры Семеновны.

Осмотрѣвъ Сусанну, докторъ потрепалъ ее и Петю по щекѣ.

— Серьезнаго нѣтъ ничего, скажаль онъ. — Все это скоро пройдетъ!

И приказавъ Петѣ ни на одну минуту не покидать больную, онъ простился съ ними, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Полчаса спустя, къ дому, гдѣ жила Глафира Семеновна, подъѣхала карета. Изъ нея вышла сестра милосердія и поднялась наверхъ. Она взяла Сусанну на руки и пошла съ нею внизъ.

— Иди и ты за мной! обратилась она къ Петѣ. — Возьми съ собаку Мильтона. Кажется, ее зовутъ Мильтонъ?

Всѣ усѣлись въ карету, отъ которой пахло запахомъ больницы, и отправились въ путь.

Но вотъ уже и самая больница. Сестра вноситъ въ нее Сусанну, а сзади нея слѣдуютъ Петя и Мильтонъ.

— Оставь собаку у швейцара, обращается къ нему сестра, — а самъ иди за мной!

Они поднимаются наверхъ. Въ корридорѣ ихъ встрѣчаетъ самъ

докторъ въ бѣломъ халатѣ и, весело балагурия, отворяетъ передъ ними дверь. Они входятъ въ большую, свѣтлую комнату, въ которой стоятъ только двѣ кровати. На одной изъ нихъ лежитъ какой-то человѣкъ, а другая пустая. Докторъ указываетъ сестрѣ милосердія на пустую и говорить.

— Сюда, сюда! Положите ее, сестра, сюда!

Обѣ кровати стоятъ близко рядомъ. Когда Сусанну кладутъ на одну изъ нихъ, то на другой приподнимается на локтѣ больной, смотритъ на Сусанну и его исхудавшее блѣдное лицо сразу озаряется счастливой улыбкой.

— Сусанна! восклицаетъ онъ. — Моя милая, ненаглядная дочь!

Она открываетъ отяжелѣвшіе отъ жара вѣки, узнаетъ того, кто съ нею говоритъ, и бросается къ нему на шею.

— Палочка! Папа! взвизгиваетъ она. — Неужели это ты? Неужели я тебя нашла?

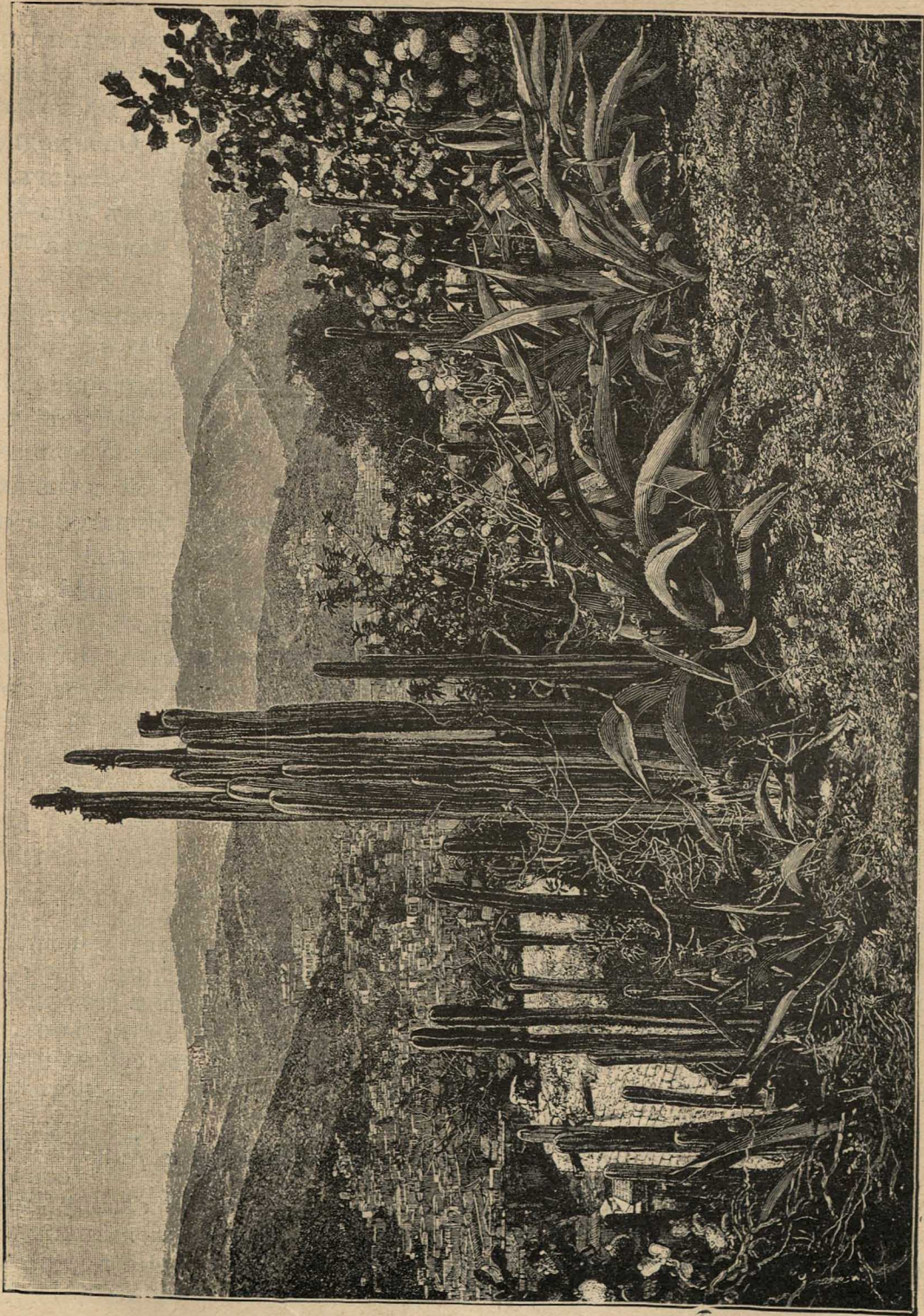
И они оба начинаютъ рыдать.

Докторъ беретъ Петю за руку и дѣлаетъ знакъ сестрѣ милосердія.

— Уйдемте отсюда! тихонько говоритъ онъ имъ. — Оставимъ ихъ однихъ! Бя отецъ только недавно пришелъ въ себя и сталъ говорить, а ея болѣзнь, не настолько тяжела, чтобы помѣшать ей свиданію съ отцомъ. Оставимъ ихъ однихъ.

Водяная мельница въ горахъ.

Растительность въ Мексикѣ.

И они на цыпочкахъ выходятъ въ корридоръ.

— Дай-ка, я тебя выслушаю и выстукаю! обращается докторъ къ Петѣ. — Ты тоже, кажется, не совсѣмъ здоровъ!

Но Петя не боленъ, а только усталъ. Кромѣ того, радость о томъ, что Сусанна нашла своего отца, совсѣмъ выбила его изъ колеи.

— Сними рубашку и подойди ко мнѣ! говоритъ докторъ.

Петя раздѣвается и подходитъ. На груди у него виситъ тотъ узелочекъ, который дала ему передъ смертью Софьи Ивановна.

— Что это такое? спрашиваетъ докторъ.

— Не знаю, отвѣчаетъ Петя. — Это бабушка повѣсила мнѣ на шею и приказала хранить.

Докторъ беретъ ножницы и разрѣзаетъ узелокъ. Въ немъ оказывается сложенный въ нѣсколько разъ листокъ бумаги. Онъ подноситъ къ его глазамъ и читаетъ.

— Bravo! восклицаетъ онъ потомъ и хлопаетъ мальчика по плечу.

— Что bravo? спрашиваетъ Петя.

— Это—духовное завѣщаніе Софьи Ивановны. Она завѣщаетъ тебѣ все! Теперь ея усадьба принадлежитъ тебѣ и никакой дядюшка или племянничекъ Илья уже не сможетъ ее у тебя отнять!

Петя радостно взвизгиваетъ и бросается къ доктору на шею.

Теперь онъ возьметъ Сусанну и ея отца къ себѣ и не расстанется съ ними уже никогда.

М. Б—скій.

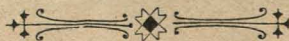
НАЧАЛО ЗИМЫ.

Вотъ и снѣжинки ужъ къ намъ
прилетѣли,
Все побѣлѣло въ саду, на лугу...
Утромъ, вскочивъ поскорѣ
съ постели,
Я одѣваюсь и въ садикъ бѣгу.

Инеемъ бѣлымъ покрыты всѣ
вѣтки,
Стройной березки такъ нѣженъ
нарядъ!..
Снѣгомъ одѣлась и крыша бесѣдки;
Ярко сіяетъ на солнцѣ весь садъ!

Вотъ я шаги замедляю невольно,
Долго люблюсь сіяющимъ днемъ...
Тихо доносится звонъ съ коло-
кольни...
Видѣнъ весь лугъ далеко за плет-
немъ...

Ясно... Морозить... Проносится
стая
Галокъ, и долго я слышу ихъ
крикъ въ вышинѣ!..
Милости просимъ, зима дорогая!..
Сѣрмя осень наскучила мнѣ!

А. Н.

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Анюта была бѣлокура, имѣла розовыя пухлыя щечки и напоминала собою херувима. Когда Володя вошелъ въ комнату, то она макала сухарь въ чашку съ чаемъ и несла его въ ротъ. При видѣ мальчика, она исподлобья посмотрѣла на него и тихо, про себя, улыбнулась.

— Ахъ, ты засоня! встрѣтила тетя Володю. — Твой чай давно ужъ простылъ, а ты все еще спишь! Здравствуй, голубчикъ! Ну, садись за столъ и пей! Ну, какъ твое здоровье послѣ вчерашняго путешествія?

Володя повелъ плечами.

— Точно-бы ничего, отвѣтилъ онъ. — Болить еще спина немного, оттого, что несъ на себѣ собаку, а во всемъ остальномъ я чувствую себя превосходно. А гдѣ-же дядя?

— Въ рудникѣ съ четырехъ часовъ утра! Что дѣлать? Жизнь-то не легко дается! Приходится трудиться! Но какъ-то ты освоишься съ шахтами! Работа тяжелая и опасная!

— Какъ нибудь привыкну, тетя; вѣдь привыкають-же всѣ! Но неужели-же и Настя пошла на работы тоже съ четырехъ часовъ утра? Такъ рано!.. Бррр!..

— Нѣтъ, она ходитъ на работы

съ семи часовъ утра! Она не работаетъ подѣ землей, а только сверху сортируетъ уголь и отбираетъ изъ него колчеданъ...

— А что такое колчеданъ? — смутился Володя.

— Это такой камень, который добывается вмѣстѣ съ каменнымъ углемъ и содержитъ въ себѣ сѣру, желѣзо или мѣдь.

— Все-таки это тяжело для Нести! Вѣдь ей только семнадцать лѣтъ!

Наталья Ивановна глубоко вздохнула.

— Что же дѣлать? — сказала она. — Хлѣбъ надо ѣсть! Не всѣ такія бездѣльницы, какъ я! Это я вотъ сижу дома, въ чистотѣ и въ теплѣ, а они тамъ ковыряются въ землѣ, какъ кроты, съ самаго утра. Ну, садись же, мой дорогой, и пей чай.

Онъ сѣлъ и она подала ему чашку чаю и отрѣзала большой кусокъ пирога съ картофелемъ. Володя принялся за чай, какъ вдругъ подѣ столомъ, почти у самыхъ его ногъ, раздавался какой-то странный крикъ.

— Что это? — вскочилъ Володя. — Что это тамъ кричитъ?

Тетя Наталья Ивановна засмѣялась.

— Не бойся! — сказала она. — Это

сорока! Она еще маленькой свалилась съ гнѣзда и расшиблась за-
мертво. Я подняла ее и принесла
къ себѣ сюда. Она поправилась и
вотъ уже который годъ не хочетъ
отъ насъ улетать!

И она поманила сороку къ себѣ.

точно и себя считала не птицей,
а человѣкомъ.

— Ну, теперь довольно!—крик-
нула на нее Наталья Ивановна.—
Надоѣла! Отправляйся на свое мѣ-
сто и изволь сидѣть тамъ тихо и
спокойно!

Она поманила къ себѣ сороку.

— Пулька! Пулька! Иди сюда!

Сорока выскочила изъ-подъ сто-
ла и подбѣжала къ своей хозяйкѣ.
Володя и Аня подскочили къ
ней и стали съ ней играть. Она
брала у нихъ изъ рукъ хлѣбъ, пры-
гала имъ на головы и на плечи и
вообще чувствовала себя такъ,

Сорока тотчасъ же послушалась
ее, отправилась къ себѣ въ уголокъ
и усѣлась тамъ на устроенной для
нея жердочкѣ.

Когда отпили чай, Наталья Ива-
новна взяла за руку Володю и уса-
дила его рядомъ съ собой у стола.

— Вотъ что, племянничекъ,—

сказала она со вздохомъ.—Получивъ извѣщеніе о смерти твоего отца, мы съ мужемъ рѣшили что и ты тоже будешь работать подѣ землей, и пригласили тебя къ себѣ. Не ошиблись-ли мы? Хорошо-ли мы сдѣлали, что выписали тебя такъ издалека? Мы, конечно, очень рады видѣть тебя у насъ, но что, если мы сдѣлали въ первую минуту горя и отчаянія ошибку? Что, если мы испортили этимъ всю твою дальнѣйшую судьбу? Пока еще не поздно,—подумай и сообрази хорошенько!

Онъ печально опустилъ голову. Неужели ему опять придется возвращаться туда, откуда онъ пріѣхалъ, и снова оставаться одному, какъ персть?

Въ это время съ надворья донесся какой-то странный шумъ. Тетка поднялась и подошла къ окну.

— Взгляни сюда! — обратилась она къ Володѣ.—Ты самъ сейчас увидишь лучше, чѣмъ я могу тебѣ объяснить. Сейчас смѣна рабочихъ. Вотъ они всѣ вышли изъ подѣ земли и щурясь, отправляются къ себѣ по домамъ. Видишь, какіе они черные? Видишь, какіе они всѣ худые? О, ихъ жизнь очень тяжела! Все время во тьмѣ, въ угольной пыли, они по цѣлымъ днямъ не видятъ дневного свѣта, а есть изъ нихъ и такіе, которые не видятъ его по цѣлымъ мѣсяцамъ.

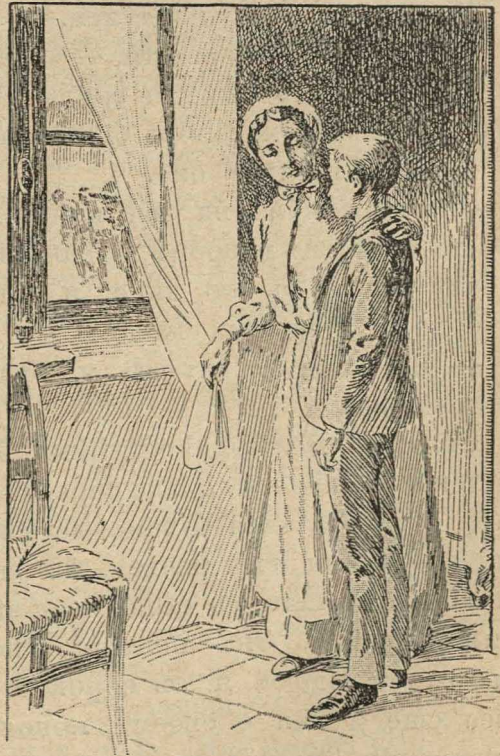
Весь блѣдный, Володя опустилъ глаза. То, что онъ увидѣлъ, дѣйствительно произвело на него тяжелое впечатлѣніе. Но рѣшимость заняться дѣломъ, проложить себѣ трудную дорогу къ жизни, взяла надъ нимъ перевѣсъ и онъ твердо отвѣтилъ:

— Не я первый, тетя, не я и послѣдній!

Она положила ему руку на плечо. Голосъ ея задрожалъ.

— Не ходи туда! — продолжала она.—Не служи на шахтѣ! Ты еще молодъ, вся жизнь для тебя еще впереди, а тамъ...

Она не договорила.

— Взгляни сюда! — обратилась она къ Володѣ.

— Что тамъ?—спросилъ ее Володя.

— Тамъ одинъ только тяжелый трудъ!—отвѣтила она.

— И больше ничего?

Она подняла голову.

— Нѣтъ,—отвѣтила она. — Тяжесть труда дѣлаетъ всѣхъ углекоповъ братьями, они становятся способными на отважные поступки и въ концѣ концовъ такъ привязываются къ своему ремеслу, такъ начинаютъ его любить, что ради него забываютъ уже обо всемъ. Вотъ этого-то я для тебя и боюсь. Разъ ты поступишь въ углекопы, то пѣсня твоя уже спѣта: ты останешься имъ уже навсегда.

Володя весело улыбулся.

— Ты говоришь, тетя, — спросилъ онъ,—что тяжесть труда дѣлаетъ всѣхъ углекоповъ братьями?

— Да, отвѣтила она.

Онъ взглянулъ на нее яснымъ, рѣшительнымъ взоромъ, блѣдность сразу сошла съ его лица и онъ твердо и увѣренно сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я буду углекопомъ!

Рѣшеніе Володи поступить въ углекопы было настолько серьезно, что тетя Наталья Ивановна уже не возражала ему больше ничего и молча отошла къ столу и стала мыть посуду. Онъ поигралъ немного съ Нютой и съ сорокой и все еще думая о своемъ новомъ призваніи, взялся за фуражку и направился къ двери.

— Я пойду, тетя, немного пройтись, сказалъ онъ. — Хочется поглядѣть на всѣ ваши здѣшнія устройства. Я къ обѣду вернусь. Вы въ которомъ часу обѣдаете?

— Въ часъ... отвѣтила хозяйка.

Онъ вышелъ на улицу и отправился прямо къ тому мѣсту, откуда доносились до него шипѣніе пара и грохотъ какихъ-то машинъ. Но едва только онъ прошелъ пятьдесятъ шаговъ, какъ къ нему навстрѣчу, съ радостнымъ визжаниемъ, бросилась большая собака и стала прыгать ему на бока и на грудь.

— Волчокъ! узналъ ее Володя. — Откуда ты, голубчикъ? Какъ ты поживаешь? Я вижу, что ты за ночь поправился совсѣмъ!

Собака схватила его зубами за полу пиджака и потянула его куда-то въ сторону. Онъ послѣдовалъ за ней и скоро она довела его до большого барскаго дома, окруженнаго красивой желѣзной рѣшеткой. По ту сторону ея стояла Маруся и печальными глазами глядѣла куда-то вдаль. Увидѣвъ Володю, она вдругъ просіяла, обрадовалась и стала манить его къ себѣ рукой.

— Здравствуй! Здравствуй! закричала она ему.—Я здѣсь! Веди его сюда!

Володя побѣжалъ къ ней, но въ то-же время и Волчокъ не выпускалъ его полы изъ своихъ зубовъ и тянулъ его къ тому-же самому мѣсту, гдѣ стояла Маруся.

— Вотъ спасибо тебѣ, Володя, обратилась она къ мальчику, — что ты привелъ ко мнѣ этого бѣглеца! Съ самаго утра онъ куда-то удралъ отъ меня и вотъ все время я его ищу!

И отворивъ тяжелую желѣзную калитку, она пригласила его къ себѣ.

— Входи! сказала она.

Онъ вошелъ.

По усыпанной пескомъ дорожкѣ она повела его къ дому. Ему было неловко входить въ такой богатый домъ, но дѣтское любопытство взяло надъ нимъ верхъ и онъ смѣло вошелъ на террасу. Здѣсь сидѣлъ у плетенаго столика самъ директоръ и читалъ газету. Передъ нимъ стоялъ кофе и вкусные сухарики были положены стопкой около стакана. Заслышавъ шаги, директоръ отвелъ глаза отъ газеты и, прищурившись, поглядѣлъ на вошедшихъ.

— Здравствуйте... робко поклонился ему Володя.

Директоръ приглядѣлся къ нему и узналъ его.

— А, здравствуй! просто и весело сказалъ онъ.—Ну, какъ поживаешь?

— Благодарю васъ, скромно отвѣтилъ Володя.

— Ну, и отлично! Ты зачѣмъ собственно говоря, сюда пріѣхалъ? Ты что-то говорилъ мнѣ вчера, да я позабылъ!

Мальчикъ смутился.

— У меня умеръ отецъ... сказалъ онъ. — Я сирота... Меня вызвалъ сюда дядя, чтобы... чтобы опредѣлить меня здѣсь въ углекопы...

— Ты хочешь служить у меня на шахтѣ? продолжалъ директоръ.— Ну, что жъ! Сдѣлай одолженіе! Я велю тебя записать! Когда хочешь начать?

Володя никакъ не ожидалъ, чтобы его судьба рѣшилась такъ скоро и легко.

— Когда вамъ угодно, радостно отвѣтилъ онъ.—Я могу хоть и сейчасъ...

— Ну, и отлично! воскликнулъ директоръ.— Съ завтрашняго утра ты можешь уже и начать!

И записавъ что то себѣ въ книжку, онъ кивнулъ мальчику головою и снова принялся за чтеніе газеты.

Володя отъ радости не помнилъ себя. Маруся водила его по дому и по саду, показывала ему своихъ куколъ, играла съ нимъ въ кегли и серсо, но онъ бѣгалъ и ходилъ точно во снѣ, отвѣчалъ ей невпопадъ и все думалъ о томъ, какъ счастливо стала вдругъ слагаться его судьба. И только когда въ часъ дня на шахтахъ вдругъ раздался гудокъ, извѣщавшій всѣхъ рабочихъ, что настало время обѣда, онъ пришелъ въ себя, спохватился, что его ждуть, и сталъ прощаться съ Марусей.

— До свиданія, барышня!.. сказалъ онъ.—Мнѣ пора! Надо идти! Она посмотрѣла на него боль-

шими доврчивыми глазами и, взявши Волчка за ошейникъ, чтобы онъ за нимъ не убѣжалъ, ласково отвѣтила:

— До свиданія... Приходи ко мнѣ еще разъ!

— Хорошо, прійду! Если будетъ время!

И онъ отправился къ себѣ домой.

— Ты будешь служить у насъ на шахтѣ? крикнула она ему.

— Да! отвѣтилъ онъ ей.

— Зачѣмъ?

Онъ не раслышалъ ея вопроса и зашагалъ къ постройкамъ для служащихъ.

Она грустно посмотрѣла ему вельдъ.

— Входи! — сказала Маруся.

Гудокъ все еще гудѣлъ и теперь, при дневномъ освѣщеніи, Володя могъ уже разглядѣть всѣ завод-

скія устройства. Изъ высокой трубы валилъ темный дымъ, около главного корпуса были выстроены двѣ вышки, вышиною съ пятиэтажные дома, и изъ подъ нихъ выходили рабочіе, слѣва громоздились цѣлыя горы угля и на всемъ лежала черная угольная пыль. Повсюду были проложены рельсы и на нихъ стояли цѣлыя поѣзда, одни — уже нагруженные большими глыбами угля, а другіе — только еще ожидавшіе нагрузки. Взадъ и впередъ бѣгалъ локомотивъ и посвистывалъ и Володѣ почему-то казалось, что онъ суетится безъ дѣла и радъ своей срободѣ.

— Откуда могла взяться здѣсь желѣзная дорога? задалъ Володя себѣ вопросъ. — Вѣдь отъ ближайшей станціи я шель сюда пѣшкомъ!

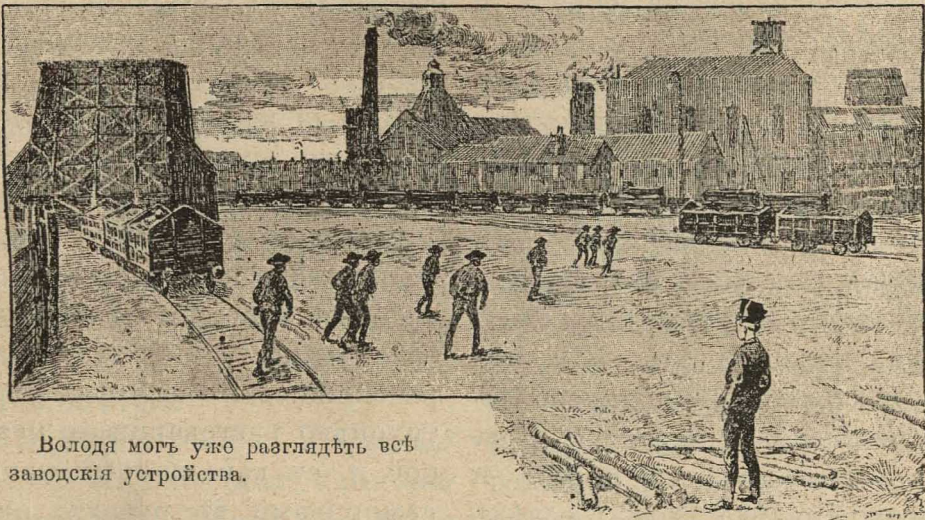
Но, приглядѣвшись къ буквамъ и знакамъ на вагонахъ, онъ понялъ, что сюда была проведена вѣтка отъ другой, сосѣдней, станціи и по ней уже развозили уголь по всей Россіи.

Народъ изъ подъ вышекъ все валилъ и валилъ. Володя подошелъ къ одной изъ нихъ, вошелъ въ нее и увидалъ, что въ ней находилась подъемная машина. Изъ-подъ земли то и дѣло вылѣзали клѣтки и изъ нихъ выходили рабочіе. Они были всѣ въ угольной пыли, походили на трубочистовъ, щурились, попавъ на дневной свѣтъ, но весело пересмѣивались, обнажая бѣлые

зубы, и, перекидываясь другъ съ другомъ прибаутками, толпами расходились по домамъ.

Володя заглянулъ въ другой корпусъ. Здѣсь были машины, которыя вертѣли колесами, гудѣли, накачивали воздухъ въ шахты и по видимому работали совершенно однѣ: никого изъ служащихъ при нихъ Володя не увидѣлъ. И онѣ показались ему живыми, серьез-

приготовляла своимъ работникамъ поѣсть. Она то и дѣло поглядывала на часы, боясь, какъ-бы они не опоздали на работы и въ то-же время разставляла чашки, рѣзала хлѣбъ и укладывала въ корзиночку завтракъ для мужа и Володи, который они возьмутъ съ собой подѣ землю. Вышелъ Григорій Семенычъ, пожимаясь отъ прерваннаго сна. Настя еще спала,

Володя могъ уже разглядѣть всѣ заводскія устройства.

ными и неумолимыми, рѣшившимися работать до конца.

— А все таки здѣсь очень интересно! рѣшилъ Володя и отправился къ себѣ.

Директоръ сдержалъ свое слово: на слѣдующій день, съ раннего утра, должна уже была начаться служба Володи въ шахтахъ.

Съ трехъ часовъ утра, тетя Наталья Ивановна, одѣтая въ утреннюю кофточку и въ чепецъ, со свѣчей въ рукѣ и дрожа отъ утренняго холода, уже хлопотала по дому и

такъ какъ работы у нея начинались съ семи часовъ утра. Спалъ еще и Володя, не привыкшій такъ рано вставать.

— Володя! постучалась къ нему въ чуланчикъ со вздохомъ сожалѣнія, Наталья Ивановна. Уже пора, милый! Вставай!

— Да, да, тетя! послышался отвѣтъ.—Я встаю!

И онъ скоро вышелъ изъ-подъ лѣстницы, свѣжий и веселый, одѣтый въ свой новый костюмъ рудокоса, который еще наканунѣ при-

готовила для него Наталья Ивановна.

— Ну, вот и я! воскликнулъ онъ.

Онъ поздоровался съ дядей и теткой и всѣ стали пить чай. Все время Наталья Ивановна съ сожалѣніемъ смотрѣла на Володю и качала головой: ей все еще не хотѣлось, чтобы онъ служилъ на шахтахъ. Попивши и поѣвши, всѣ встали, помолились на образъ и стали собираться въ путь.

— Пора, пора, заторопиль Григорій Семенычъ.—Время идетъ!

Всѣ они вышли на улицу. Было еще темно и звѣзды свѣтили на небѣ, но на востокѣ, тамъ, гдѣ должно было всходить солнце, уже протянулась у горизонта красная, длинная полоса свѣта. Шипѣлъ гдѣ-то вдаль паръ и посвистывалъ локомотивъ. Наталья Ивановна остановилась на порогѣ и еще долго глядѣла Володѣ вслѣдъ и крестила его большимъ крестомъ.

— Счастливый путь! шептала она.—Помоги тебѣ, Господь!

Григорій Семенычъ обернулся, увидалъ ее и замахалъ ей рукою.

— Не стой на крыльцѣ, простудишься! крикнулъ онъ ей.—Иди, ложись спать!

Дулъ рѣзкій вѣтеръ. Мужчины, женщины и подростки, пожимаясь отъ свѣжести, молча во мракѣ шли къ заводу со всѣхъ сторонъ и громко стучали ногами. А затѣмъ, когда ихъ шаги стихли вдаль,

снова наступила тишина и весь поселокъ опять погрузился въ глубокий сонъ.

— Сейчас ты увидишь замѣчательныя шахты! обратился Григорій Семенычъ къ своему племяннику, думая, что онъ угнетенъ, и желая его подбодрить. — Всѣ призвіе инженеры говорятъ, что рѣдко гдѣ есть такія шахты! Шутка-ли? Мы работаемъ на глубинѣ четырехсотъ метровъ, а это по нашему выходитъ чуть не четверть версты!

Володя шелъ рядомъ съ нимъ, слушалъ его и отъ свѣжести и волненія постукивалъ зубами.

Они вошли въ большое помещеніе, ярко освѣщенное электрическими фонарями. Тамъ уже собралась масса рабочихъ, которые, разбившись на небольшія группы, тихонько разговаривали между собой и, съ какими-то диковинными лампочками въ рукахъ, ожидали своей очереди, что-бы спуститься подъ землю. Дулъ такой сквознякъ, что Володю пронизывало насквозь. Онъ еще болѣе и чаще сталъ стучать зубами.

Работы уже начались. Съ оглушительнымъ громомъ откуда-то изъ преисподней поднимались ватонетки, полныя угля, тотчасъ же разгружались и, уже пустыя, снова ставились на площадку подъемной машины и спускались внизъ. Въ нихъ садилось въ каждую по пяти человѣкъ рабочихъ, ожидав-

шихъ очереди, и всѣ они исчезали подѣ землей. Такихъ вагонетокъ выскочило изъ подѣ земли довольно много и всѣ онѣ, одна за другой, опять нырнули затѣмъ съ рабочими подѣ полѣ. Все это происходило съ такимъ шумомъ и на такомъ сквознякѣ, что Володя заткнулъ себѣ уши и съежился, какъ сосулька.

Прежде чѣмъ спуститься съ племянникомъ внизъ, дядя повелѣ его въ какое-то обширное помѣщеніе съ массой ящиковъ, въ которые рабочіе забирали свои вещи и гдѣ хранили свои инструменты. Здѣсь онѣ взялъ свою кирку и отправился съ Володей далѣе, гдѣ ламповщикъ раздавалъ рабочимъ лампочки. У каждаго рабочаго была своя и на ней былъ выставленъ его номеръ.

— Провѣрена моя лампочка? спросилъ ламповщика Григорій Семенычъ.— Не будетъ проскакивать огонь наружу?

— Провѣрена! отвѣчалъ ламповщикъ.— Не будетъ!

— Дай-ка, братецъ, лампочку и этому молодцу! указалъ на Володю Григорій Семенычъ.

Ламповщикъ выдалъ лампочку и Володѣ, и они вернулись къ подъемной машинѣ и стали ждать своей очереди, чтобы спуститься внизъ. Какъ вдругъ появился около нихъ тотъ самый инженеръ, съ которымъ ѣхалъ Володя въ экипажѣ. Онъ сразу же узналъ Володю.

— Ты поступилъ къ намъ? весело обратился онъ къ нему.— Ну, вотъ и хорошо! Только надо быть смѣлымъ и побольше работать! Каждый вечеръ, послѣ работъ, ты будешь ходить въ нашу школу. Нельзя-же цѣлый вѣкъ оставаться въ простыхъ рабочихъ! Надо двигаться и впередъ чтобы выйти въ люди!.. Если хочешь, то зайди какъ-нибудь ко мнѣ, я дамъ тебѣ книгъ и вообще займусь съ тобою...

Володя горячо поблагодарилъ инженера, тотъ подозвалъ къ себѣ проходившихъ мимо двухъ мастеровъ и сказалъ имъ:

— Рекомендую вамъ этого молодца! Наблюдайте за нимъ! Счастливаго тебѣ, Володя, успѣха!

И онъ зашагалъ куда-то дальше. Звали его—Константинъ Игнатичъ. Онъ прихрамывалъ на одну ногу и одни говорили, что онъ такъ и родился съ одною ногою короче другой, другіе—что онъ повредилъ себѣ ногу когда-то еще давно, еще будучи студентомъ, на заводѣ во время практическихъ работъ, а третьи утверждали, что онъ испыталъ желѣзнодорожную катастрофу, въ которой былъ сильно раненъ и помятъ, такъ что пролежалъ потомъ цѣлые полтора года въ больницѣ и едва остался живъ. Онъ былъ женатъ, дѣтей у него не было и оба они, и онъ и его жена, вели замкнутый, уединенный образъ жизни и не бывали нигдѣ. Онъ былъ вѣчно занятъ на шахтахъ, а

она цѣлые дни сидѣла дома и все молчала. Иногда мужъ возилъ ее кататься и тогда сосѣди видѣли ея блѣдное, печальное лицо. Часто, завидѣвъ во время прогулкиковырявшихся въ землѣ дѣтей, она останавливала кучера, вылѣзала изъ экипажа, брала на руки дѣвочку и долго ее ласкала. Потомъ она снова опускала ребенка на землю и уѣзжала. И глядя на ея блѣдное, серьезное лицо и видя, какъ она любила и ласкала дѣтей, всѣ сожалѣли ее и почему-то называли „святой“.

— Сегодня проѣзжала святая, говорили о ней,—и долго качала на рукахъ Агафьину Катюшку! Или:—Прасковьиной Аринкѣ святая прислала на платье и ботинки.

Загрѣмѣла подъемная машина и настала очередь и для Володи.

— Пора! сказалъ ему дядя и, взявъ его за рукавъ, ввелъ его въ рѣшетку.—Трогай!

Съ невѣроятной быстротой Володя сталъ спускаться внизъ. Ему показалось, что у него стала кружиться голова. Привыкшій уже къ этимъ спускамъ и подъемамъ, дядя ободрилъ его.

— Это ничего! сказалъ онъ.— Это пройдетъ! Скоро привыкнешь!

Цѣлые ручьи воды полились откуда-то на крышу той клѣтки, въ которой спускался Володя, и по мѣрѣ того, какъ онъ опускался все ниже и ниже, они обращались въ цѣлые потоки. Потянуло сы-

ростью и прохладой. Мелькнули мимо галлерей, въ которыхъ были люди, но около которыхъ не остановились. Володя прижался къ дядѣ, точно стараясь найти въ немъ нравственную поддержку. Когда-же клѣтка остановилась и Володя увидѣлъ себя подъ землею, то ему показалось, будто онъ пробудился послѣ тяжелаго сна. Весь спускъ продолжался какихъ нибудь полторы минуты, но онъ показался ему цѣлымъ годомъ.

— Ну-съ, вотъ мы съ тобой и подъ землей! обратился къ нему дядя.—Теперь пойдѣмъ, я тебѣ покажу, какъ добывается уголь!

Промчался сквознячекъ и откуда-то потянуло запахомъ свѣжаго навоза.

— Почему это такъ пахнетъ навозомъ? спросилъ Володя.

— А здѣсь недалеко конюшни, отвѣчалъ Григорій Семенычъ.— У насъ здѣсь подъ землею работаетъ около сотни лошадей! Такъ здѣсь всю жизнь свою и живутъ!

И онъ повелъ своего племянника по галлереямъ. Они прошли по узкимъ, низкимъ корридорамъ, вдоль которыхъ были проложены рельсы и по нимъ небольшія, но сильныя лошади везли цѣлые поѣзда вагончиковъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ. Эти корридоры пересѣкались другими, поуже и пониже, по которымъ тоже были проложены рельсы, но вагончики съ углемъ катили уже не лошади,

а люди. Отсюда дядя повелъ племянника въ мѣста, гдѣ добывается уголь. Здѣсь было тѣсно, такъ тѣсно, что люди работали согнувшись и стоя на колѣняхъ, и съ тяжкимъ трудомъ выламывали изъ стѣны глыбы угля. Въ другихъ мѣстахъ люди лежали на боку, такъ какъ нельзя было стать даже на колѣни, и въ такомъ видѣ долбили стѣны своими кирками. Подходили мальчики, отбирали отъ нихъ добытый ими уголь, относили его въ сторону, грузили его въ вагонетки и возвращались назадъ. Въ воздухѣ стояла угольная пыль, со всѣхъ сторонъ раздавались удары кирками о стѣны, по всѣмъ галлерейамъ проносился вдругъ сквознякъ и освѣжалъ воздухъ. Хлопали двери изъ галлерей въ галерею, раздавались непонятные крики, слышалось ржаніе лошадей, шумѣлъ гдѣ-то невидимый потокъ и все вмѣстѣ производило на Володю такое впечатлѣніе, точно онъ былъ въ аду.

„Зачѣмъ я сюда попалъ?“ не разъ приходило ему на умъ. — „Зачѣмъ я не послушалъ тетку Наталью и рѣшилъ сюда поступить?“

Но въ то-же другая мысль пронеслась въ его головѣ:

„Какой ты трусъ!“ говорилъ онъ самъ себѣ. — „Не успѣлъ войти сюда какъ уже и испугался! Вѣдь работаютъ-же здѣсь другіе!“

И пока они переходили изъ гал-

лерей въ галерею, имъ перебѣгали дорогу цѣлыя стаи крысъ и съ пискомъ скрывались въ темнотѣ. Это еще болѣе увеличивало въ Володѣ страхъ передъ будущимъ. Но въ одной изъ галлерей онъ увидѣлъ вдругъ мальчика своихъ лѣтъ. Низко согнувшись, онъ катилъ передъ собою вагончикъ съ углемъ. Волосы выбивались у него изъ-подъ шапки и все лицо его покрывалъ потъ, но глаза его весело блестѣли и на губахъ мелькала улыбка отъ сознанія, что онъ занимается трудомъ и самъ добываетъ себѣ насущный хлѣбъ.

Володѣ стало стыдно своей трусости. Неужели онъ испугается предстоящаго ему труда и убѣжить,

Имъ перебѣгали дорогу цѣлыя стаи крысъ.

когда такъ настойчиво и усердно работаютъ подь землею другіе?

— „Нѣтъ, я буду работать! рѣшилъ онъ на этотъ разъ уже окончательно и безповоротно.—Съ утра я буду работать здѣсь, по вечерамъ буду ходить въ школу, по праздникамъ и воскресеньямъ меня будетъ учить нашъ добрый инженеръ, а тамъ я и пробью себѣ дорогу! Постараюсь прокормить своимъ трудомъ и себя, и другихъ!“

И съ этими мыслями онъ шелъ за своимъ дядей по галлерей, какъ вдругъ раздался позади него чей-то голосъ.

— Что-же ты, молодчикъ, расхаживаешь безъ дѣла? Отправляйся на конюшню! Уже пора!

Володя обернулся и увидѣлъ позади себя того самаго мастера, которому поручилъ его инженеръ.

— Я готовъ! отвѣтилъ онъ и простился съ дядей.

Мастеръ взялъ его за руку и повелъ къ конюшнѣ. Здѣсь онъ вывелъ изъ стойла одну изъ лошадей и передалъ поводъ отъ нея Володѣ.

— Вотъ это твоя лошадь! сказалъ онъ. — Ты долженъ за ней ухаживать и кормить ее самъ. Запрягай-же ее скорѣе и принимайся за работу!

Володя вывелъ лошадку въ галлерей, запрягъ ее въ стоявшую на рельсахъ вагонетку и повелъ ее туда, куда указывали рельсы.

Возвращаясь обратно, онъ везъ уже цѣлый поѣздъ угля, сдалъ его

на подъемную машину и, довольный началомъ, съ цѣлымъ поѣздомъ пустыхъ вагонетокъ уже ѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ въ узкихъ щеляхъ копошились углекопы.

Такъ прошло время до двѣнадцати часовъ. А когда загудѣлъ полуденный свистокъ и всѣ, потягиваясь и разгибаясь, отъ тяжелыхъ трудовъ потянулись къ подъемной машинѣ, чтобы выйти наверхъ, то, убравъ коня и давъ ему ѣсть, послѣдоваль за ними и онъ.

Съ какимъ наслажденіемъ онъ увидѣлъ снова небо, солнечный свѣтъ и дома, съ какимъ удовольстіемъ онъ полною грудью вдохнулъ въ себя чистый, свѣжій воздухъ и понюхалъ запахъ деревьевъ и травы!

Вернется-ли онъ назадъ? Спустится-ли онъ подь землю во второй разъ и будетъ-ли онъ продолжать опять свой трудъ?

И онъ топнулъ ногой о землю и рѣшительно сказалъ:

— А все таки я добьюсь своего!

Затѣмъ потянулись дни за днями и каждый день, съ четырехъ часовъ утра, Володя былъ уже на ногахъ и принимался за дѣло. Возвращался онъ въ первомъ часу дня, усталый, но веселый и довольный, и тотчасъ-же садился за ѣду. И никогда еще раньше его собственный кусокъ хлѣба не казался ему такимъ вкуснымъ, какъ теперь. Тетка смотрѣла на него съ грустью и качала головой, а дядя обо-

дряль его и, какъ только онъ выходилъ изъ комнаты, онъ всякій разъ про него говорилъ такъ, чтобы онъ его не услышалъ:

— Изъ него выйдетъ отличный малый! Посмотри, жена, какъ серьезно онъ принялся за дѣло!

А. Ж.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У Т Р О М Ъ.

— Ужь семь часовъ! Зажгите свѣчку!

„Пора вставать!“

— „Еще темно!“

„Пусть намъ затопятъ, мама, печку!“

„Не можемъ встать! Намъ холодно!“

И вотъ, укрывшись съ головами, Дѣтишки сладко-сладко спятъ;

Но мама снова за дверями

Стучить и будить вновь ребятъ:

— „Уже восьмого половина!“

„Когда-жь вы будете вставать?“

И мигомъ Коля, Надя, Нина

Глазенки стали протирать.

— „Какъ? Такъ уже поздно? Неужели?“

„Зачѣмъ-же дали намъ проспять?“

„Стащили-бъ прямо насъ съ постели“

„Иль стали-бъ дергать за кровать!“

„А то изволь теперь собратся!“

„Изволь хоть разъ прочесть урокъ!“

„Не могутъ, право, постараться“

И разбудить, какъ надо, въ срокъ!“

Вскочили, ёжятся ребятки,

Еще-бъ хотѣлось имъ поспать,

Но ужъ свѣтаетъ и лампадка

Съ трещаньемъ стала потухать.

И смѣхъ, и плачъ, и разговоры...

Кто книгъ, кто фартухъ не найдетъ...

Но вотъ кончаютъ дѣти сборы,

Пьютъ чай—и все на ладъ идетъ.

И уложивъ тетрадки, книжки,

Они въ гимназію бѣгутъ...

Ну, что-жь! За дѣло, ребяташки!

Трудомъ на свѣтъ всё жить!

Ирисъ.

ГОЛОВЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, означающія:

1. То, чѣмъ питаются хищные звѣри и человѣкъ.

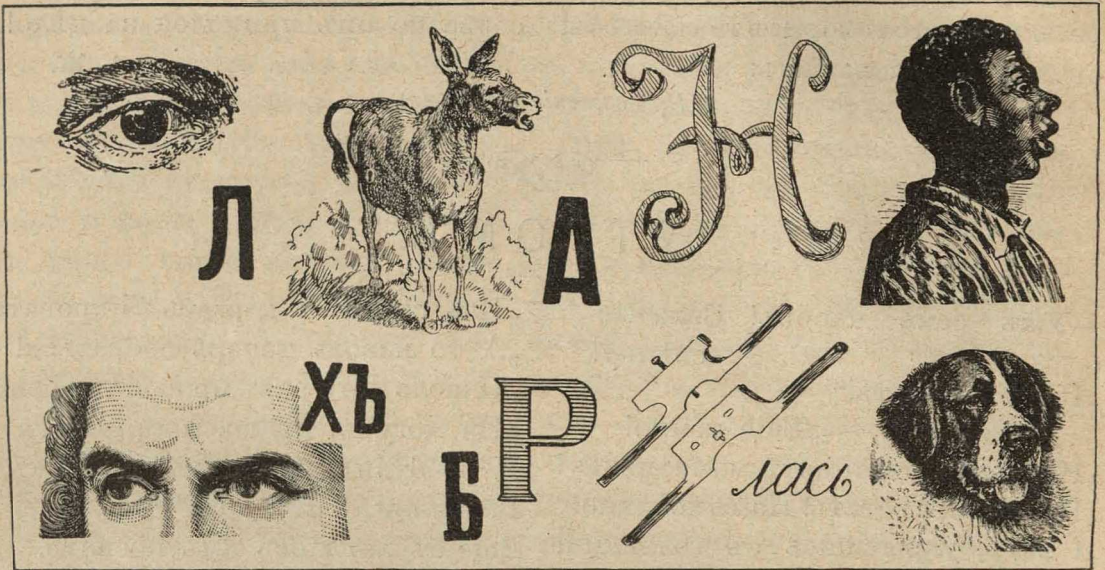
2. То, безъ чего трудно умыться.

3. То насѣкомое, которое живетъ

обществами и, говорятъ, отличается большимъ умомъ.

Взять отъ этихъ словъ по послѣднему слогу; всего, слѣдовательно, будетъ три слога; состав-

Ребусъ № 2.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

вить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ названіе пѣвчей птицы.

Какія слова задуманы и какая это птица?

II.

1. Захотѣли пить чай: поставили самоваръ, разставили чашки, блюдцы и стаканы. Подали варенье, сахаръ и хлѣбъ. Заварили чай напились. Что при этомъ было всего нужнѣе?

2. Что при жизни пьетъ соленую воду, а послѣ смерти прѣсную?

3. Почему зимой падаетъ снѣгъ, а лѣтомъ идетъ дождь?

4. Какое сходство между бумагой и ногой?

5. Почему мальчики и дѣвочки любятъ кататься на конькахъ?

III.

Задумано названіе города. Изъ его буквъ можно составить слѣду-

ющія слова: 1., часть ноги, 2., мѣсто, гдѣ косятъ траву и сѣютъ хлѣбъ, 3., металлъ, 4., то, что прививаютъ ребенку въ раннемъ дѣтствѣ, и 5., предметъ, на которомъ спать.

Кромѣ того, въ названіи этого города заключаются: 1., имя первой женщины, 2., число и 3., дерево.

Какой это городъ?

IV.

Зи, будь, кре, ни, ма, какъ, стья, сью, нинъ, ры, тор, ся, же, тет, ству, пле, я, чужа, на, по, дров, снѣгъ, ка, няхъ, шад, об, ло, нов, го, ля, е, путь, етъ.

Составить изъ этихъ слоговъ начальныя строки очень извѣстнаго стихотворенія Пушкина.

V.

Шуточные вопросы: 1. Какая рыба самая большая?

2. Чѣмъ кончаются день и ночь?

(предложилъ А. Федотовъ-донской казачекъ).

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1912 годъ

на художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТВИ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“.

Въ нее войдетъ большая повѣсть

„Маленькій матросъ“

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлкалки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.